
ТЕОРИЯ

Ю. И. СЕМЕНОВ

НАРОД, ЭТНОС, НАЦИЯ.

Статья вторая. Общество, политодемотия, нация^{*}

В статье анализируются проблемы, имеющие особую актуальность в современную эпоху. Подчеркивается, что этнос есть осознающая себя культурно-языковая общность, а не общность вообще. В статье также дается глубокий анализ понятий населения и общества.

***Ключевые слова:** общество, геосоциальный организм, территория, население, народ, этнос, генетико-культурная общность.*

Политодемотические общности: политодемотии и нации

Как уже указывалось, нередко между понятием «нация» и понятиями «народ», «этнос» ставят знак равенства. В самом деле, французы есть народ, этнос, и они же являются нацией. Отсюда, естественно, напрашивается вывод: этническая общность (народ) и нация суть одно и то же. Как уже говорилось, в нашей литературе к этому обычно добавляли, что нация есть не просто этнос, а высшая его форма, пришедшая на смену народности.

В действительности же этнос и нация – явления, относящиеся к разным социальным сферам. Сущность этнической общности наиболее ярко проявляется в этнических процессах: этнической ассимиляции (втягивания, растворения), этнического слияния (консолидации), этнического включения (инкорпорации) и этнического расщепления (дивергенции). Они происходят стихийно и во многом независимо от сознания и воли людей.

---

^{*} Статья написана при поддержке гранта РГНФ №11-03-0050а «Этнос и нация в глобализирующемся мире», а также гранта РГНФ №12-03-00514а «Концептуализация общества в современном социально-гуманитарном и культурно-историческом знании: теоретические и методологические аспекты».

Сущность же нации наиболее отчетливо выражается в национальных движениях, которые представляют собой деятельность масс людей, направленную на достижение определенных целей, причем чаще всего политических. Каждое такое движение имеет определенную программу. Национальные движения в отличие от этнических процессов относятся к сфере политики. Они представляют собой один из видов политических движений. Нация в этих движениях выступает как определенная общественная, прежде всего политическая, сила, с которой надо считаться. Если этнос есть осознавшая свое единство культурно-языковая общность, то нация – один из видов политической общности. Нация – такой вид политической общности, который представляет собой конкретную группировку населения, определенную демографическую, или, точнее, демотическую общность.

Этнические общности как более или менее самостоятельные образования начали возникать с переходом от первобытного общества к классовому. Формирование наций связано с возникновением вначале предпосылок капитализма, а затем и самого капитализма. Вполне оформившиеся нации – порождение Нового времени.

Но они не представляют собой абсолютно уникального явления. Политические общности, являющиеся одновременно и демотическими – политодемотические общности (политодемотии), – существовали в истории классового общества и раньше. Самый наглядный пример – Древняя Греция. Последняя была не единым социоисторическим организмом, а системой, состоявшей из множества совершенно самостоятельных социоров – полисов. Полисами были Афины, Мегара, Фивы, Сиракузы, Милет и т. д. Соответственно греки подразделялись на такое же количество демотических групп: афиняне, мегарцы, фиванцы, сиракузцы, милетцы и т. п. Каждую такую общность составляли не просто жители того или иного полиса, а его полноправные граждане, входившие в состав гражданской полисной общины. Их связывало не просто проживание на территории полиса, а общие экономические и политические интересы. Для них полис был родиной, родной землей, которую они готовы были защищать от всех недругов.

Несколько иными, но тоже политодемотическими общностями были граждане городов-государств Италии эпохи Возрождения: флорентинцы, пизанцы, геновцы, венецианцы и др.

Еще один пример: Северная Русь XIV в. Основная масса ее населения принадлежала к одному этносу – русскому. И это русское население подразделялось на несколько групп, которые достаточно четко осознавали свое отличие от других. В основе этого деления лежали не культурные и языковые различия, а вхождение в состав разных геосоциальных организмов – великих княжеств (Московского, Тверского, Смоленского, Нижегородско-Суздальского, Рязанского) и республик (Новгородской, Псковской и Хлыновской). Москвичи, тверичи, рязанцы, новгородцы и др. были особого рода общностями, но не этническими, а политодемотическими (политодемотиями).

Капитализм спонтанно зародился только в одной области земного шара – в Западной Европе. Именно она и дает нам классические примеры зарождения и развития наций.

В эпоху, предшествующую сдвигам, приведшим к капитализму, на каждой из территорий, где в дальнейшем сложился тот или иной капиталистический геосоциальный организм, основная масса населения принадлежала к одной этнической общности или нескольким родственным этническим общностям, которые в нашей исторической и этнологической литературе чаще всего именуется народностями. В свою очередь эти этносы делились на субэтносы, а последние нередко на субсубэтносы, или этнографические группы. Подобного рода этническая картина имела свои корни в структуре общества, для которого была характерна хозяйственная и политическая раздробленность, именуемая обычно феодальной.

Перелом в развитии феодального общества произошел со становлением городов как центров промышленности и торговли. Развитие товарно-денежных отношений постепенно вело к слиянию ранее обособленных областей в единое хозяйственное целое, что необходимо предполагало политическую централизацию. Единый в экономическом отношении социально-исторический организм формировался одновременно и как единое централизованное государство.

Зарождение капиталистических связей, превращение охватывающего всю страну рынка в капиталистический обусловило дальнейшее возрастание экономического и политического единства социоисторического организма. Вместе с появлением такого единого

в экономическом отношении социоисторического организма возникли и его объективные интересы, которые не могли не быть интересами основной массы людей, входивших в его состав.

В результате этого единый социоисторический организм, который одновременно был и централизованным государством, выступал в глазах его членов как их общее отечество, а они, вместе взятые, стали общественной силой, отстаивавшей интересы этого отечества, то есть нацией. *Нация есть совокупность людей, имеющих одно общее отечество.*

Отечеством в том смысле, который это слово приобрело с переходом от Средних веков к Новому времени, является (речь, разумеется, идет об идеальном случае, норме, а не о всегда возможных и даже неизбежных отклонениях от нее) более или менее крупный социоисторический организм, имеющий своим фундаментом первоначально просто рыночные, а затем рыночно-капиталистические связи. В идеальном случае принадлежность к нации совпадает с принадлежностью к такому социоисторическому организму. Именно это и дало основание отождествить нацию с социально-историческим организмом. В результате нации стали приписываться такие признаки («общность территории», «общность экономической жизни»), которые в действительности характеризуют капиталистический геосоциальный организм.

Отождествлению нации и геосоциального организма способствовало то обстоятельство, что с возникновением капиталистического геосоциора появилась потребность в обозначении его объективных интересов. Проще всего, конечно, было бы назвать их государственными, но этому препятствовала многозначность термина «государство». Под интересами государства можно было понимать интересы не только социально-исторического организма, но и государственного аппарата, прежде всего правящей верхушки, которые могли и не совпадать с социальными. В этом отношении термин «национальные интересы» был более предпочтительным. Интересы нации полностью совпадали с интересами социоисторического организма.

С этим и связано широкое использование в литературе слова «нация» для обозначения социоисторического организма. Это наблюдается уже в XVIII в. Название вышедшего в 1776 г. основного

труда великого экономиста Адама Смита (1723–1790) обычно переводится на русский язык как «Исследование о причинах и природе богатства народов», что неверно, ибо в оригинале используется слово не «народы» (*peoples*), а «нации» (*nations*). А под нациями А. Смит понимал вовсе не нации, а социоисторические организмы, основанные на рыночных связях.

Но еще до А. Смита слово «нация» использовали для обозначения социально-исторических организмов, причем любых типов, такие выдающиеся мыслители, как Джамбаттиста Вико (1668–1744) в своем труде «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) и Адам Фергюсон (1723–1816) в «Опыте истории гражданского общества» (1767). Эта традиция сохранилась до сих пор. Достаточно вспомнить такие названия, как «Лига наций» и «Организация Объединенных Наций».

Таким образом, слово «нация» тоже многозначно. Национальностью очень часто называют не только собственно нацию, но и социоисторический организм. И во всех случаях, когда нации рассматриваются как субстанты истории, под ними понимаются не собственно нации, а социоисторические организмы. Кроме того, это слово в англоязычной литературе нередко употребляется в тех же смыслах, что и слово «народ», исключая лишь одно его значение: оно никогда не используется для обозначения социальных низов.

Однако как бы ни были тесно связаны между собой нация и геосоциальный организм, они не совпадают друг с другом даже в том идеальном случае, когда все люди, входящие в данный геосоциор, образуют одну нацию, как никогда не совпадают и не могут совпасть страна и ее население. Капиталистический геосоциальный организм есть фундамент, на котором в норме возникает и существует нация, но не сама нация. Французская нация, например, никогда бы не появилась без образования французского социально-исторического организма, то есть без появления самой Франции, однако понятия «Франция» и «французская нация» далеко не совпадают.

Возникновение нации нельзя рассматривать как автоматическое следствие формирования единого геосоциального организма. Для ее образования необходимо, чтобы люди не просто входили в состав единого социоисторического организма, не просто состав-

ляли его население, но признавали бы его своим отечеством, а себя рассматривали как соотечественников.

А это невозможно без того, чтобы основная масса населения этого социоисторического организма не осознала его объективные интересы, причем осознала бы их как свои собственные интересы. А такое осознание могло родиться лишь в ходе борьбы за удовлетворение насущных потребностей функционирования и развития этого социоисторического организма. Лишь в процессе такой борьбы могла вырваться идея национального единства, без которой нация не смогла бы оформиться.

Начавшемуся после возникновения городов складыванию широкой экономической общности мешала феодальная политическая раздробленность. Поэтому объективной необходимостью стала ее ликвидация, создание единого централизованного государства. В классовом обществе объективные интересы общественного развития всегда выступают как интересы определенных классов, слоев, группировок. За ликвидацию феодальной раздробленности выступали горожане и крестьяне, страдавшие от феодальных междоусобиц, а также некоторые слои класса феодалов. Опираясь на эти силы, королевская власть повела борьбу за создание централизованного государства. Там, где она успешно осуществляла свою задачу, объединительное, ранненациональное движение масс не получило самостоятельного значения. Слои населения, заинтересованные в объединении страны в политическое целое, выступали не столько самостоятельной политической силой, сколько опорой королевской власти.

Лишь в критические периоды истории таких стран объединительное, ранненациональное движение масс могло в какой-то степени приобрести самостоятельный характер. Примером могут послужить, например, события во время Столетней войны во Франции, связанные с именем Жанны д'Арк. Они свидетельствовали о начале формирования особой политической силы, которая в дальнейшем получила название нации.

В тех регионах, где назревшие объективные экономические потребности в политическом объединении не могли быть удовлетворены на протяжении длительного времени, наблюдался подъем широкого самостоятельного, объединительного, ранненациональ-

ного движения, которое, втягивая массы крестьянства, приобретало и характер антифеодального. Таковы Реформация и Крестьянская война в Германии. И хотя желаемый результат не был достигнут, эти движения возвестили о начале формирования немецкой нации.

Начавшееся еще в ходе борьбы за создание единого централизованного государства формирование нации могло окончательно завершиться лишь с утверждением капиталистических отношений. На определенном этапе развития единого геосоциального организма объективной потребностью стало его полное преобразование из феодального в капиталистический.

Но были общественные силы, которые стояли на страже отживающего общественного порядка. Именно поэтому объективно необходимым стало, чтобы все слои населения, интересы которых совпадали с интересами развития общества, осознали последние как свои собственные и поднялись за них на борьбу. В результате интересы геосоциального организма были на деле осознаны как интересы отечества, а задача окончательной ликвидации феодальных порядков предстала в виде задачи, которую должна решить нация. Таким образом, общественная сила, выступавшая против феодализма, осознала себя силой патриотической, национальной, то есть нацией.

Антифеодальное политическое движение выступило как национальное, чему, например, в ходе Великой Французской революции способствовали попытки иностранных держав путем интервенции восстановить прежний строй. «Отечество в опасности!» – эти слова поднимали людей на борьбу. Понятия «революционер» и «патриот» в то время совпадали.

Но национальная идея доминировала в ходе этой революции с самого начала. Достаточно вспомнить такие названия, как «Национальное собрание», «национальная гвардия». В ходе буржуазной революции окончательно утвердилась идея отечества, оформилось национальное самосознание и тем самым завершился процесс формирования нации.

Консолидация ранее экономически обособленных областей в единую хозяйственную общность была результатом втягивания их в общий торговый оборот, возникновения единого рынка в масштабах страны. Важнейшим средством общения является язык.

Поэтому экономические связи легче всего завязывались между областями, население которых говорило на одном языке или на близкородственных языках, то есть принадлежало к одной этнической общности или же родственным этносам.

В свою очередь установление прочных экономических связей между областями способствовало слиянию родственных этнических общностей в одну, а также стиранию граней между субэтнотами и этнографическими группами, на которые они ранее распались. В идеале все население такого единого геосоциального организма должно было образовать одну этническую общность, одну нацию. Таким образом, те же самые объективные процессы, которые привели к образованию нации, имели своим результатом метаморфозу этноса. Сказалось на этносе и само по себе появление нации.

Этнос есть явление историческое. Возникнув, он не остается неизменным. Можно выделить три стадии его развития. На первой стадии этнос состоит из большего или меньшего числа субэтнотам, и каждый из членов этноса обязательно входит в один из субэтнотам. Субэтническое самосознание на этой стадии нередко доминирует над этническим. Человек прежде всего осознает себя членом субэтнотам и лишь затем – этноса. Язык этноса на этой стадии существует как совокупность множества диалектов. Нередко в качестве общего письменного языка выступает чужой язык (латынь в Западной Европе, старославянский в Древней Руси). Такую этническую общность можно было бы назвать *ранним этносом*.

Для *позднего этноса* в отличие от раннего характерно доминирование сознания принадлежности к этносу, этнического самосознания. Субэтническое самосознание если и сохраняется, то отходит на второй план. Однако чаще всего субэтнотамы превращаются в этнографические группы. Определенная часть людей начинает входить в этнос, минуя субэтнотамы и этнографические группы. Возникает общий литературный язык этноса, близкий к разговорному. В основе литературного языка обычно один из диалектов языка этноса. Нередко превращение раннего этноса в поздний связано с вызреванием предпосылок капитализма, но это вовсе не обязательно.

Зарождение и развитие капитализма имеет одним из своих следствий превращение позднего этноса в *позднейший этнос*. Вы-

ше уже говорилось о завязывании прочных экономических связей и возникновении рынка в масштабе всей страны. Это ведет к резкому возрастанию подвижности населения и его интенсивному перемешиванию. Повсеместно распространяется грамотность. В результате распада крестьянских общин постепенно исчезает простонародная, прежде всего крестьянская, культура, которая выступала в качестве культуры этноса. Ее замещают элитарная и городская культуры, которые, слившись воедино, постепенно проникают в самые широкие слои населения и становятся общесоциальной национальной культурой. В итоге постепенно исчезают субэтноты и этнографические группы. Поначалу большая часть людей, а затем и все они входят в этнос.

Оформляется общий литературный язык, который одновременно функционирует и в качестве общего разговорного. Язык позднейшего этноса существует не в диалектах, не как их совокупность, а как бы рядом с ними, постепенно поглощая и вытесняя их. Этому в огромной степени способствует возникновение и развитие средств массовой информации (газеты, радио, телевидение). Идеальным позднейшим этносом является такой, в котором совсем нет не только субэтнотов, но даже и этнографических групп, и не существует никаких диалектных различий.

Как уже отмечалось выше, в идеальном случае население страны должно одновременно составлять и одну нацию, и один этнос. В подобном случае этническое самосознание должно слиться с национальным, культура этнической общности полностью заместиться национальной культурой, а язык этноса – стать национальным языком. Именно это и дало основание для того, чтобы приписать нации такие признаки («общность языка», «общность культуры»), которые в действительности характеризуют этнос.

Нельзя не заметить, что в знаменитом сталинском четырехэлементном определении нации, которое и сейчас не утратило полностью своего влияния на умы людей, занимающихся национальными проблемами, из четырех приписываемых нации признаков два («общность языка» и «общность культуры») относятся к этносу, два («общность территории» и «общность экономической жизни») – к геосоциальному организму, и *нет ни одного*, который относился бы к собственно нации. Иначе говоря, ни сам И. В. Сталин, ни его

последователи, а ими были чуть ли не все советские ученые, которые писали по этому вопросу, по существу, не понимали природы нации.

Но даже при самом тесном сближении нации и этноса полного тождества между ними не возникает. В предельном случае национальная общность, включая в себя в качестве компонента этническую общность, никогда к ней не сводится. Но, конечно, наиболее наглядно отличие национальной общности от этнической проявляется тогда, когда в состав нации входят люди, принадлежащие к разным этническим общностям.

Рассматривая процесс формирования нации, я исходил из допущения большей или меньшей этнической однородности состава населения единого геосоциального организма, который одновременно являлся и единым государством. В действительности же границы централизованного государства редко совпадали с этническими даже в Западной Европе.

Например, к 80-м гг. XVIII в. ряд областей с населением, говорившим по-французски, остался вне границ Французского королевства (Валлония, Французская Швейцария). Но зато в пределах Франции оказались районы, население которых и по языку, и по культуре значительно отличалось от французов (кельты Бретани, баски припиренейской Франции, италоязычные жители Корсики, немцы Эльзаса и Лотарингии).

Все эти группы и до сих пор полностью не ассимилировались и не стали частями французской этнической общности. Но это ничуть не помешало ни бретонцам, ни баскам, ни корсиканцам, ни эльзасцам и лотарингцам войти в состав французской нации. В огне битв Великой революции Франция стала для них отечеством, а сами они из подданных превратились в ее патриотов. Почему и как это произошло, прекрасно показал Фридрих Энгельс (1820–1895) на примере Эльзаса и Лотарингии, население которых до революции бесспорно принадлежало к немецкому этносу.

«Но вот, – писал он, – разразилась французская революция. То, что Эльзас и Лотарингия не смели и надеяться получить от Германии, было им подарено Францией... Крепостной, обязанный барщиной крестьянин стал свободным человеком, во многих случаях свободным собственником своей усадьбы и поля... Нигде во Фран-

ции народ не присоединился к революции с большим энтузиазмом, чем в провинциях с говорящим по-немецки населением. Когда же Германская империя объявила войну революции, когда обнаружилось, что немцы не только продолжают покорно влачить собственные цепи, но дают еще себя использовать для того, чтобы снова навязать французам старое рабство, а эльзасским крестьянам – только что прогнанных господ феодалов, тогда было покончено с принадлежностью эльзасцев и лотарингцев к немецкой нации, тогда они научились ненавидеть и презирать немцев, тогда в Страсбурге была сочинена, положена на музыку и впервые пропета эльзасцами “Марсельеза”, и тогда немецкие французы, невзирая на язык и прошлое, на полях сотен сражений в борьбе за революцию слились в единый народ с исконными французами»¹.

Ныне собственно французов, бретонцев, корсиканцев, эльзасцев и лотарингцев объединяет принадлежность к одному геосоциальному организму, который они в одинаковой степени считают своим отечеством. В результате все они, независимо от сохраняющихся между ними этнических различий, составляют одну нацию – французскую – и в этом смысле в одинаковой степени являются французами.

Еще более наглядно качественное отличие национальной общности от этнической предстает на примере Швейцарии. Население этой страны состоит из нескольких групп, одна из них говорит на немецком языке, другая – на французском, третья – на итальянском, четвертая – на ретороманском. Но ни германо-швейцарцы, ни франко-швейцарцы, ни итало-швейцарцы, ни ретороманцы (романши и ладины), являясь этническими общностями, не представляют собой особых наций.

Франко-швейцарцы, например, считают своим отечеством не область, населенную ими, а всю Швейцарию в целом. Это в одинаковой мере относится и к представителям остальных групп. Всех швейцарцев объединяет принадлежность к одному геосоциальному организму, который все они в равной степени считают своим отечеством. Поэтому они образуют единую нацию – швейцарскую.

---

¹ Энгельс Ф. Роль насилия в истории / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 460–461.

Таким образом, разнородность этнического состава населения единого социально-исторического организма, сама по себе взятая, совершенно не обязательно ведет к образованию в его пределах нескольких наций, но она создает возможность такого развития. Чтобы эта возможность превратилась в действительность, нужно действие иных факторов, не этнических, а экономических и политических.

Важнейшим из факторов, способствовавших возникновению внутри полиэтничного социоисторического организма нескольких наций, является дискриминация по признаку этнической принадлежности: наличие определенных прав и привилегий у людей, входящих в одну этническую общность, и отсутствие таковых у членов другого или других этносов, обращение с представителями той или иной этнической общности как с существами низшими, преследование их языка и культуры, навязывание им языка и культуры господствующего этноса. К этому следует добавить отношение к области, компактно населенной тем или иным этносом, как к колонии, то есть выкачивание из нее средств, которые используются в интересах территории, населенной представителями господствующей этнической общности, торможение ее промышленного развития, превращение ее в сырьевой придаток и т. п. Все это, вместе взятое, принято называть *национальным*, или *колониальным*, гнетом.

Национальный гнет с неизбежностью порождает у представителей дискриминируемой этнической общности общие интересы, отличные от интересов социоисторического организма, и вынуждает их объединяться для борьбы за свои права. В результате дискриминируемый этнос становится политической силой, преследующей свои собственные цели. Происходит то, что крупнейший отечественный специалист по национальному вопросу Михаил Николаевич Губогло назвал *этнической мобилизацией*.

Если члены дискриминируемого этноса рассеяны среди людей, принадлежащих к другим этническим общностям, то их цели обычно не идут дальше уравнивания в правах с людьми, принадлежащими к господствующему этносу. Иначе дела обстоят тогда, когда дискриминируемая общность сравнительно велика и члены ее более или менее компактно населяют определенную территорию.

Дискриминация, препятствующая представителям угнетенной этнической общности признать весь геосоциальный организм, в котором они живут, своим отечеством, одновременно побуждает их осознать как свое отечество только ту его область, которую они компактно населяют. В результате дискриминируемый этнос становится особой нацией, противопоставляющей себя всему остальному населению геосоциального организма.

Всех его членов теперь объединяет и одновременно отделяет от остальных людей, входящих в состав данного геосоциального организма, наличие своего собственного, особого отечества. Вполне понятно, что в таком случае как особая нация выступает и господствующий этнос, даже тогда, когда его члены считают своим отечеством всю страну в целом.

Когда члены дискриминируемого этноса осознают себя как соотечественников, их борьба против дискриминации приобретает характер борьбы за интересы своего отечества против его врагов и угнетателей. Они теперь чаще всего начинают стремиться не к уравниванию в правах с членами господствующего этноса, а к освобождению своего отечества от чужеземного гнета, к созданию собственного независимого государства, а тем самым и самостоятельного геосоциального организма.

Нация в таком случае возникает как политическая сила, стремящаяся к созданию независимого государства. Формируясь, она проявляет себя в особом рода политическом движении: *национальном* или, точнее, *национально-освободительном*.

Если в случае с Францией и Швейцарией нация формировалась в основном по признаку принадлежности к населению единого геосоциального организма, то в данном случае она складывается по признаку принадлежности к определенной этнической общности. Все представители данного этноса образуют нацию. Процесс превращения совокупности людей, которая являлась только этносом, одновременно и в нацию можно было бы назвать *нациезацией* этноса. В последнем случае с особой силой навязывается иллюзия полного тождества нации и этноса.

Таким образом, существуют два основных вида наций: а) формирующиеся по признаку принадлежности составляющих их людей к одному геосоциальному организму; б) формирующиеся по

признаку принадлежности составляющих их людей к одному этносу. Первые можно назвать *социорными нациями (соционациями)*, вторые – *этническими нациями (этнонациями)*.

Тенденцией этнонационального движения является стремление к отделению и образованию самостоятельного национального государства. На это в свое время особое внимание обращал Владимир Ильич Ленин (1870–1924) в целом ряде работ, из которых особо выделяется труд «О праве наций на самоопределение» (1914)². Но в реальности до отделения дело доходит не всегда. Участники движения могут ограничиться требованием предоставления области, которую они рассматривают как свое отечество, большей или меньшей степени автономии. И даже тогда, когда в программе движения значится требование отделения, его участники, столкнувшись с мощным сопротивлением центральной власти, могут пойти на компромисс, согласившись с автономным статусом данного региона.

Выше был приведен классический образец формирования нации по признаку этнической принадлежности. Но жизнь, разумеется, сложнее. Не всегда причиной подобного рода движений является национальный гнет.

Иногда у их истоков – властолюбивые и честолюбивые замыслы местных бонапартиков, корыстные интересы элиты на местах, стремящейся освободиться от контроля сверху, с тем чтобы свободно грабить свой собственный народ, столь же эгоистические интересы местного чиновничества, жаждущего закрепить за собой должности, местных предпринимателей, старающихся вытеснить опасных конкурентов, амбиции местной интеллигенции, желающей монополизировать за собой сферу духовной жизни и «хлебные места» в системе образования, науки, культуры и т. п. Все эти группы апеллируют к родным массам, спекулируют на различного рода теневых сторонах жизни и стремятся выдать себя за истинных защитников их интересов. В свое время все это было хорошо показано К. Каутским³. Вряд ли подобного рода движения могут быть

---

² Ленин В. И. О праве наций на самоопределение / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 25. – С. 258–259.

³ Каутский К. Борьба национальностей и государственное право в Австрии. – СПб., 1906; Он же. Национальные проблемы. – Пг., 1918.

названы национальными. Их, скорее всего, можно было бы именовать *псевдонациональными, квазинациональными*. И таких сейчас много.

Все сказанное о борьбе с реальной, а не мнимой дискриминацией открывает путь к пониманию процессов формирования наций и за пределами Европы. Переселение европейцев, прежде всего англичан, на территорию нынешних США привело к образованию там системы геосоциальных организмов, имевших свои интересы, отличных от интересов Великобритании.

Нежелание господствующих слоев метрополии считаться с жизненными нуждами этих колониальных социально-исторических организмов привело в конце концов к их объединению и образованию новой патриотической силы – американской нации, которая в упорной борьбе добилась независимости своего отечества. Сходными были процессы становления наций в Латинской Америке.

Своеобразно шло складывание наций в Африке южнее Сахары. Народы этого региона к моменту европейского завоевания в большинстве своем находились на стадии перехода от первобытного общества к классовому. Ни о каких нациях там не могло быть и речи. Границы отдельных колониальных владений были проведены новыми хозяевами совершенно произвольно и, как правило, не совпадали с границами между «народами».

Однако, будучи установленными, они приобрели огромное значение. По мере того как капитализм «пересаживался» в колонии, развитие каждого такого отдельного колониального владения шло по линии превращения его в особый геосоциальный организм, подчиненный метрополии и эксплуатируемый ею. В пределах каждого из этих геосоциальных формирований стала складываться особая политическая сила, которая считала его своим отечеством и стремилась к освобождению его от колониального гнета.

Становление этой общности шло по признаку принадлежности не к тому или иному «народу», а ко всему коренному населению данной колонии.

В результате возникли нации, каждая из которых состояла из людей, относившихся к большому числу «народов» и подразделений «народов». Таковы нигерийская, ганская, гвинейская и другие африканские нации. Все они добились независимости. Теперь их

будущее зависит от того, насколько прочно будет обеспечено равноправие проживающих на их территории «народов» и формирующихся этносов.

Если в этих государствах возникнет и получит развитие практика дискриминации по признаку принадлежности к той или иной культурно-языковой группе населения, то неизбежной станет тенденция к формированию в их границах нескольких наций, а тем самым и к их разделению на несколько самостоятельных социоргов. Достаточно вспомнить движение игбо Нигерии, которое привело к образованию республики Биафры и продолжавшейся два с половиной года (1967–1970) войне, завершившейся гибелью этого государственного образования.

Но, пожалуй, еще большей, чем подобный национализм, для государств Тропической Африки является другая опасность – формирование политических сил на базе многочисленных существующих в них демосоциальных структур – полностью или частично сохранившихся демосоциальных организмов и их систем. Это явление получило в литературе название *трибализма*, или *трайбализма*. Трибализм имеет место и в целом ряде независимых азиатских государств, возникших на развалинах СССР.

В настоящее время в нашей науке соперничают две концепции нации. Одну из этих концепций условно можно назвать этнической, а другую – государственной, или гражданской. Согласно первой – нация есть этнос, согласно второй – нация есть совокупность всех граждан государства, все его население без различия этнической принадлежности. Последнюю точку зрения сейчас усиленно отстаивает и пропагандирует известный специалист по национальному вопросу Валерий Александрович Тишков.

Как видно из всего сказанного выше, в каждой из них присутствует доля истины, но отнюдь не вся истина. И та и другая упускают из виду главное, что делает ту или иную совокупность индивидов нацией, – наличие у составляющих ее людей одного общего отечества. Сторонники первой точки зрения не понимают, что люди, составляющие этнос, могут образовывать нацию, а могут и не образовывать ее. А сторонники второй концепции не принимают во внимание, что понятия страны, государства могут совпадать с понятием отечества, а могут и не совпадать. Они не хотят

считаться с тем фактом, что для людей, живущих в том или ином государстве, оно может быть их отечеством, а может и не быть им.

Когда этнос совпадает с населением государства, являющегося одновременно социумом (речь, разумеется, идет о современных государствах и социумах), то эта совокупность людей почти обязательно является и нацией. Если такого совпадения нет, все обстоит гораздо сложнее.

Когда в пределах государства существует несколько этносов, то люди, входящие в состав каждого из них, могут образовывать только этнос, но не особую нацию, а могут быть и самостоятельной нацией. Все зависит от того, что они считают своим отечеством: всю страну в целом или же только ту ее часть, которую компактно населяют.

Таким образом, население страны, разделенное на несколько этносов, может быть единой нацией, а может не быть ею. Все дело в том, принимают ли все граждане государства его за свое единое отечество или не принимают. Если принимают, то все они образуют одну нацию, если же члены каждого из этносов относятся как к своему отечеству только к той части территории страны, которую населяют, то в стране существует столько наций, сколько в ней этносов.

Могут сказать, что при таком понимании нация выступает как явление чисто субъективное, обусловленное мнением людей, их взглядами, воззрениями. И некоторые исследователи, абсолютизируя эти моменты, приходят к выводу, что нации, как и этносы, вообще в социальной реальности не существует. Эти явления существуют лишь в сознании людей. Крайний взгляд – этносы и нации существуют лишь в головах исследователей, представляют собой лишь их мыслительные конструкции⁴.

Дело, однако же, в том, что национальное самосознание формируется под влиянием определенных объективных факторов, которые уже были рассмотрены выше и среди которых главную роль играют объективные, материальные интересы. Нужно также учитывать, что осознание национальной принадлежности не является

---

⁴ Критику подобного взгляда см.: Семенов Ю. И. Торопиться с заупокойной молитвой по этносу вряд ли стоит (Об основных идеях книги В. А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии». М., 2004) // *Философия и общество*. – 2006. – № 2. – С. 94–105.

чисто умственным продуктом. Оно всегда включает в себя чувство национальной принадлежности, чувство патриотизма – одно из сильнейших общественных чувств.

Конечно, формирование сознания и чувства национальной принадлежности происходит под влиянием национальной идеологии, а тем самым и людей, создающих такую идеологию. Отсюда некоторые исследователи делают вывод, что нация, как и этнос, есть свободное творение группы интеллигентов, по той или иной причине заинтересованных в создании такой общности. Вряд ли можно отрицать огромную роль интеллигенции в формировании национального сознания и чувств, а тем самым и нации. И тем не менее ни нация, ни этнос не могут быть созданы по произволу интеллектуальной или политической элиты.

Как, скажем, ни пытались интеллектуалы и политики Народно-го фронта Молдавии убедить молдаван, что они на самом деле вовсе не молдаване, а румыны, что их отечеством является не Молдавия, а Великая Румыния, включающая в себя в качестве своей неотъемлемой части нынешнюю Молдавию, что самой важной задачей является немедленное вхождение Молдавии в состав Румынии, у них пока ничего не получилось.

Подавляющее большинство молдаван упорно продолжает считать себя не румынами, а молдаванами, и своим отечеством – одну только Молдавию. Кстати, и тогда, когда Бессарабия входила в состав Румынского государства (1918–1940 гг.), несмотря на то, что молдаване были официально объявлены румынами, несмотря на политику насильственной румынизации, а может быть, именно в силу проведения такой политики, молдаване в массе своей так и не изменили своего этнического и национального самосознания.

В годы франкистского режима все население Испании было объявлено единой испанской нацией. Но, несмотря на все принятые властями меры, таковой оно не стало. Сейчас власти Турции провозглашают все население единой турецкой нацией. Государство пытается силой искоренить все этнические различия. Но именно такая политика является одной из причин все более расширяющейся борьбы курдов Турции за создание своего независимого государства.

Выше уже отмечалась возможность наличия у людей двойного этнического самосознания: сознание принадлежности к субэтносу

и этносу. Возможно и двойное национальное самосознание. Человек может одновременно считать своим отечеством и геосоциальный организм в целом, и ту часть его территории, которую компактно населяет его этнос. В таком случае мы сталкиваемся с нацией, состоящей из нескольких наций.

Можно называть первую просто нацией, а последние – субнациями. Можно называть нациями последние, а первую – супернацией. Можно, наконец, говорить об *субнациях* и *супернации*. Это, в конце концов, вопрос терминологии. В Великобритании, например, по крайней мере, две из трех существующих в ней этнических общностей, а именно англичане и шотландцы, являются одновременно и нациями. Но эти две нации вместе с валлийцами образуют британскую нацию. Супернации всегда представляют собой соционации, субнации – всегда этнонации.

Выше уже говорилось, что слово «народ» нередко используется для обозначения всего населения того или иного геосоциора, невзирая на этническую принадлежность составляющих его людей. При таком употреблении в одних случаях под народом понимается нация, в других – супернация, а в третьих – такая совокупность людей, которая не представляет собой ни нацию, ни даже супернацию, хотя и способна в дальнейшем развитии стать последней.

Развитие в полиэтничной стране может в зависимости от условий идти в двух противоположных направлениях. Одно из них: группы людей, которые были только этносами, становятся и нациями. Идет процесс *нациезации* этносов, а тем самым и *полинациезации* страны. Такое развитие наблюдается, например, в Бельгии. Раньше там существовала лишь одна нация – бельгийская. Валлоны и фламандцы были лишь этносами. Сейчас они стали и нациями (субнациями), а бельгийская нация тем самым превратилась в супернацию. Следующий шаг в этом направлении может заключаться только в превращении этих субнаций в полностью самостоятельные нации и исчезновении объединяющей их супернации. Будет ли он сделан, покажет будущее.

Движение в другом направлении: население страны, состоящее из нескольких этносов, являющихся одновременно нациями, становится супернацией, а бывшие нации превращаются в субнации. Следующий шаг: группы людей, бывшие одновременно и этносами, и субнациями, становятся только этносами, а бывшая суперна-

ция становится единственной существующей в стране нацией. Здесь мы наблюдаем процесс *денациезации* этносов и тем самым *мононациезации* страны.

В полиэтничной стране движение в сторону мононациезации может сменяться движением в сторону полинациезации и наоборот. А иногда эти движения идут одновременно: одни группы внутри страны развиваются в одном направлении, скажем, денациезируются, а другие, наоборот – нациезируются.

Очень своеобразным было развитие этих процессов в СССР. С одной стороны, в нем долгое время в общем и целом шел процесс мононациезации. Возникла супернация, в которую вошли если не все нации и этносы, то по крайней мере многие. Именно эту супернацию фактически имели в виду, когда говорили о советском народе. Но одновременно с процессом мононациезации страны шли процессы нациезации если не всех, то целого ряда этносов. И начиная с определенного периода процесс нациезации по крайней мере части этносов начал обгонять процесс мононациезации страны, что в огромной степени способствовало распаду СССР на самостоятельные государства, претендующие на то, чтобы быть национальными.

В общем никакая страна с полиэтничным населением не застрахована от движения в сторону полинациезации. Даже во Франции, где со времен Великой революции все население составляло одну нацию, в последние десятилетия наблюдаются тенденции к нациезации некоторых этносов, в частности корсиканцев.

Все это побуждает власти тех или иных полиэтничных государств в целях обеспечения их территориальной целостности проводить политику, во-первых, ассимиляторства, то есть насильственной этнической ассимиляции, во-вторых, переселения на территорию компактного обитания этнических меньшинств представителей этнического большинства. Иногда ассимиляторство приводит к достижению желаемой цели.

Но гораздо чаще результаты бывают прямо противоположными. Примером может послужить политика правящей элиты Грузии в Абхазии и Юго-Осетии еще в эпоху существования СССР. В Абхазии принудительная грузинизация дополнялась массовым пере-

селением грузин в эту область. К чему это привело, можно сейчас наблюдать воочию.

Как в отношении между этносом и обществом, так и в отношении между нацией и обществом ведущим является последнее. Об этом уже достаточно было сказано выше. Остается добавить несколько штрихов, которые позволяют также лучше понять отношения между этносом и нацией.

Когда на территории, населенной одним этносом, возникают несколько геосоциальных организмов, имеющих разные объективные интересы, с неизбежностью начинает реализовываться тенденция к образованию нескольких разных наций. Социорная граница превращается в национальную, а затем и этническую. Так возникли австрийская нация и австрийский этнос.

Сколько раз западногерманские публицисты высмеивали утверждения теоретиков ГДР об образовании двух наций: восточногерманской и западногерманской. Но теперь в объединенной политической Германии многим не до смеха. Различие между «остлерами» («осси») и «вестлерами» («весси») является реальностью, с которой приходится считаться и которая пока никак не исчезает.

Вот констатация современного положения вещей: «До сих пор взаимное отчуждение между “осси” и “весси” считалось “пережитком”, преодолимой фазой сближения. Казалось очевидным, что бедное и больное общество бывшей ГДР должно медленно, но верно ассимилироваться в здоровом и богатом обществе ФРГ. Но расклад вышел иным: пришитые друг к другу части Германии срастаться отказались, а получившееся в результате операции существо, подобно чудовищу Франкенштейну, оказалось несчастным. Отчуждение не уменьшается, а растет: если до объединения немцы по обе стороны границы считали себя одной нацией, то сегодня уже почти все уверены: “осси” и “весси” – это два разных народа»⁵. Это писалось в 1997 г. С тех пор положение не слишком изменилось. Спустя три года в официальном докладе ведомства федерального президента отмечалось сокращение культурного взаимодействия между восточными и западными землями, рост отчуждения и даже агрессии в отношении между их жителями⁶.

⁵ Буртин А. Берлинская стена восстановлена? (В материале использована информация журнала «Шпигель») // Московские новости. – 1997. – № 3. – С. 27.

⁶ См.: Калашников В. Что не хватает немцам? // Независимая газета. – 2000. – 25 ноября.

Когда часть какой-либо этнической общности оказывается в составе чужого государства, а затем с течением времени начинает считать его своим отечеством, то между ней и основной частью этноса пролегает национальная, а затем и этническая граница. Если эта часть не была ассимилирована, то она становится самостоятельным этносом. Так произошло с эльзасцами и лотарингцами. Социорная, а затем национальная граница сделали особыми этносами германо-швейцарцев, франко-швейцарцев, итало-швейцарцев.

Длительное пребывание украинцев в составе разных геосоциальных организмов провело между ними границу, если не национальную в точном смысле слова, то очень сходную с ней. Деление их на «схидняков» и «захидняков» достаточно четко проявилось после 1939 и особенно 1944 г. Как известно, некоторые политологи даже предрекали и предрекают распад Украины.

Однако все описанные процессы не происходят автоматически. Не только этническая, но и национальная общность, возникнув на определенной объективной основе, может по инерции долго сохраняться и после исчезновения этой основы. Социорные границы в таких случаях не становятся ни национальными, ни этническими.

Наиболее яркий пример – поляки. В конце XVIII в. польский социоисторический организм исчез, а польская нация и польская этническая общность продолжали сохраняться. Поляки, жившие в привислинских губерниях России, своим отечеством считали не Россию и даже не эту ее область, а Польшу, какой она была до раздела. То же самое можно сказать о поляках, которые жили на землях, отошедших к Пруссии и Австрии. Это их национальное и этническое самосознание нашло свое выражение в созданной вскоре после последнего раздела Польши знаменитой «Мазурке Домбровского», ставшей после возрождения польского государства его гимном: «Еще Польша не пропала, раз мы живы сами!»⁷

Выше говорилось, что нация в идеальном случае возникает на базе определенного геосоциального организма, который его население начинает считать своим отечеством. Был упомянут другой вариант: этнос, компактно населяющий часть территории геосоциального организма, начинает считать ее своим отечеством и тем самым становится особой нацией. Но возможны и иные модели.

---

⁷ Выбицкий Ю. (в пер. С. Кирсанова). Мазурка Домбровского // Польская поэзия XIX–XX вв. – М., 1963. – С. 172.

Бывает, что тот или иной этнос компактно населяет территорию, разделенную между несколькими государствами. Во всех этих странах его члены подвергаются дискриминации, являются объектом национального гнета. В результате эти люди становятся политической силой, которая борется за освобождение и одновременно объединение населенных им частей нескольких геосоциальных организмов в одно независимое государство, в один социально-исторический организм. Данное движение является одновременно национально-освободительным и национально-объединительным.

Члены этого этноса рассматривают как свое отечество всю населенную ими территорию, независимо от ее нынешней государственной принадлежности, и тем самым одновременно образуют и нацию. Здесь нация возникает раньше геосоциального организма. Но процесс ее формирования может завершиться только после образования такого организма. Что-то похожее на это происходит в настоящее время с курдами.

Весь приведенный материал свидетельствует в пользу трактовки нации как особой общественной, прежде всего политической, силы, представляющей собой совокупность людей, объединенных общностью отечества и отстаивающих его интересы, которые одновременно являются и их собственными общими интересами. Нация может иметь и другие характеристики, но именно в этом заключена вся ее суть. В отношении нации еще в большей степени, чем в отношении этноса, может быть сказано, что ее формирует общность исторической судьбы.

Как видно из всего сказанного, в отношении между нацией и отдельным конкретным обществом, социумом, так же как в отношении между этносом и социоисторическим организмом, ведущим, определяющим в конечном счете всегда является социально-исторический организм. Именно социально-исторические организмы, а не этносы и нации являются первичными субстантами исторического процесса, из которых складываются другие – более сложные – его субстанты.